

«Человеческие возможности до конца не познаны. Я узнала про это на факультативах по нейрофизиологии ещё в то время, когда училась в Гарварде. Тем не менее человек — существо весьма уязвимое. Однако мне привели в пример исторический факт покушения на Распутина. Его травили синильной кислотой, топили в ледяной воде, стреляли в упор из револьвера, а он всё продолжал жить. Будь он обычным человеком, то уже бы раз десять отбросил копыта. В связи с чем я задаю себе вопрос. А был ли он человеком вообще? Ведь способности, которыми он обладал, далеко выходили за рамки человеческих возможностей. И есть ли сейчас среди нас такие, с позволения сказать, люди?» Из дневника Энн-Мари Фишер.

Я проснулась с жуткой головной болью и едва поднялась с постели. Я сидела на кровати потупив взор, и в памяти постепенно всплывали события вчерашнего вечера. Мне стало стыдно и неловко перед собой. Как обычно, в пятничный вечер, ко мне пришли мои знакомые Люба и Сергей, и мы устроили очередную пирушку. Мы часто собирались по пятницам, и это как-то скрашивало мои одинокие вечера. Нам было весело, мы выпивали, трепались на разные темы и травили непристойные анекдоты. Я расслабилась и хохотала, временами задирая ноги, а Серёга не сводил с меня глаз. Он отпускал в мой адрес комплименты, а Люба поддакивала. Но в какой-то момент всё пошло наперекосяк. Я напилась до чёртиков, а праздничная вечеринка завершилась отвратительным скандалом. Вообще-то пить я уже не хотела, но Сергей всё подливал, а Люба одобрительно кивала. Она говорила, что сегодня сам бог велел бухнуть, что у неё какой-то там восточный праздник любви, и если я не буду с ней выпивать, то она сильно на меня обидится. В голове у меня шло кругом, и уже начинало тошнить.

А на столе, как по мановению волшебной палочки, появлялись всё новые бутылки. Затем Сергей стал ко мне приставать. И делал это откровенно нагло. Он трогал меня руками за лицо, пытался залезть мне под майку и трусы, и уже говорил мне грязные и пошлые вещи. Типа, что я корчу из себя недотрогу и ломаюсь как девочка, а потрахать не даю, что я фригидная дура, а трахать надо всем, почему вдруг я записала себя в монашки. И Любочка вела себя как-то не так. За меня она не вступилась. Наоборот, она подбадривала Сергея, науськивала его и глумливо хихикала. Она ничего не имела против! Он пытался в её присутствии меня изнасиловать, а ей доставляло удовольствие за всем этим наблюдать. Надо заметить, что они тоже набрались порядком, и подливая мне, Серёга накачался как следует сам. Он приставал, а я отбивалась. Я знала, что он сильнее, и в конце концов он скрутит меня и получит то, что задумал. Но в какой-то момент он вдруг запутался ногами в ножках стула, на котором сидел, и чуть было не полетел на пол. Грязно выругавшись, он притих и стал клевать носом.

Я отодвинулась от него подальше, но затем он вдруг резко развернулся в мою сторону и снова распустил свои руки. Я потеряла последнее терпение и вскочила из за стола, грубо оттолкнув его в сторону. Пьяный Серёга пошатнулся и уже внаглую схватил меня за подол юбки. Ему опять не повезло. Во второй раз он запнулся о ножку стула и теперь уже с грохотом опрокинул его набок. Потеряв равновесие, он растянулся на полу рядом со стулом и попытался поймать меня за ногу. Я схватила со стола, что попало под руку — большую вазу с гвоздиками и выплеснула всё содержимое ему в лицо. Серёга помотал головой, сразу протрезвел и уселся

прямо на полу. Вода стекала с него ручьями, вся майка на нём промокла до нитки, а цветы теперь валялись у него между ног. Одна гвоздика переломилась пополам и повисла у него на ухе.

— Дура — сказал он — облила меня всего. Ты что, шуток не понимаешь. Идиотка бешеная.

— Это ты взбесился. Твои шуточки перешли все допустимые границы — ответила я.

— Пошли Серёга — сказала Люба — нам нечего здесь делать. Дура и есть дура.

— Что?! Он тут чуть не надругался надо мной, а я, выходит, дура. Да пошли вы все к чёрту отсюда подальше. Сами придурки.

— Ой-ой-ой, недотрога — презрительно сказала Люба — ну и трахнули бы тебя, не рассыпалась бы. Тебе точно в монастырь пора. Женщина называется. Да ты холодная каменная плита, тебе вообще одно место зашить осталось до конца твоих дней.

И они ушли, хлопнув дверью. Ничего себе. Это я дура? Меня нагло попытались изнасиловать прямо у меня дома, и я ещё и дура. Ну и пусть катятся подальше. Тоже мне, друзья-товарищи. Нет других, так и таких не надо. Как-нибудь переживу эту потерю. Сами нажрались, меня напоили, и ещё поиздеваться захотели. А я тоже хороша. Надо было не пить столько. Сама выставила себя на посмешище в роли пьяной, падшей и доступной женщины. И вправду дура.

В голове гудело от похмелья, а в животе скребли черти. Распустив свои длинные волосы, я разделась и перебралась в ванную. Около часа я плескалась в горячей воде. Обливаясь шампунем, я неистово тёрла себя мочалкой, разгоняя кровь и выгоняя из себя хмель. Затем сварила кофе, и глотала обжигающий напиток, запивая холодными сливками. Наконец головная боль отступила, и я почувствовала себя значительно лучше. Всё, хватит с меня этих попок. Добром не кончится. Не буду больше с ними пить. Вообще пить не буду. Нигде и ни с кем. Так и контроль над собой потерять недолго. Что собственно, вчера и произошло. Хватит с меня уже одного алкоголика.

Я вспомнила, как разводилась со своим мужем. Когда мы поженились, он выпивал только по праздникам, и я вначале не придавала этому значения. Его попойки я всерьёз не воспринимала, резонно полагая, что пьяный проспится, а дурак — никогда. Дураком он и не был. Но потом незаметно он начал пить уже просто по выходным дням, заявляя, что сильно устал, и ему надлежит как следует расслабиться. Затем начал напиваться по будням и полюбил опохмеляться. Он работал экспедитором на перевозках и ихний бригадир несколько раз его унюхал с перегаром. Затем гаишники сняли его с рейса в нетрезвом состоянии и отправили на экспертизу. У начальства лопнуло терпение и его выгнали с треском. Выводов для себя он так и не сделал, и загулял-забухал уже по полной. Он жрал водку каждый день и уже не выхмелялся. Даже при процедуре нашего развода в присутствии свидетелей он выглядел нетрезвым. Я с ним рассталась и вспоминала всё как дурной сон. После развода я жила одиноко, и друзей в чужом городе у меня не было. Ну только разве что коллеги по работе. Один раз я уже обожглась на неудачном браке, и во второй раз замуж не торопилась. Мне было жутко одиноко, особенно по вечерам, и я частенько, как дура, рыдала в подушку.

Допив свой кофе, я подошла к окну и раздвинула шторы. В небе сияло яркое солнце и погода на улице была просто супер. Что же, не хер дома высидеть. Надо проветриться и развеяться. Устрою себе поход по магазинам. Внезапно мои мысли прервал сигнал сотового телефона. Любка звонит. Отвечать или нет? Вообще-то до вчерашнего случая она вела себя вполне прилично. Интересная собеседница, с ней было нескучно, и она всегда находила увлекательные темы для разговора. Мы познакомились на выставке уральских самоцветов, и

я многое от неё узнала про геологию этого края. Я стояла возле одной из витрин и любовалась ослепительной игрой света на гранях отшлифованных минералов.

— Нравится? — раздался за спиной мягкий женский голос.

Я обернулась и увидела перед собой молодую стройную женщину с миловидным лицом.

— Да, они очень яркие и красивые.

— Они очень древние, эти минералы, и родились в глубине земной коры давным-давно, при высоких температурах и огромном давлении, когда наша планета была ещё совсем юной, и в её недрах, подобно бурной и страстной любви, кипела и бушевала раскалённая лава.

— Правда?

— Да, им миллиарды лет. В отличие от янтаря, который минералом вовсе не является. Вот это зелёный малахит. А это лазурит. А вот это аметист.

— Как интересно.

— Вообще-то геология — это всего лишь моё хобби. А моё основное занятие — это история древнего мира. Я историк-востоковед, и занимаюсь происхождением матриархата на территории древнего востока. Его истоки. Причины появления. Я даже проходила обучение в одной из школ буддизма и была посвящённой. Кстати, Меня Люба зовут. — А меня Алёна. У вас интересное имя. Необычно как-то.

— Ничего особенного. Люба — означает любовь. И символизирует женское начало.

— А что такое матриархат? Я где-то про это уже читала.

— Это разновидность социума. То есть, это такая структура сообщества, в котором доминирующую роль занимает женщина. Вам интересно это? Мы можем посидеть в летнем кафе, выпить кофе и поговорить.

Она повернулась, и пригласив меня жестом, направилась к выходу. Ещё тогда я отметила, какая у неё грациозная походка. Она шла как воздушный гимнаст по канату, плавно и уверенно ставя ногу след в след.

Так мы и познакомились. Позже я узнала, что ей сорок шесть лет, но выглядела она всего лет на двадцать. Подтянутая спортивная фигура, плоский живот, и стройные красивые ноги, которым могли позавидовать даже юные гимназистки. Идеальный овал лица, без единой морщины, с тонкими чертами и выразительными глазами бирюзового цвета. Я была моложе на целых тринадцать лет, но всё равно ей завидовала. Возможно ли такое вообще? В её годы бабы обычно разъедаются, начинают сутулиться и ходить враскорячку. Сергей почти всегда был вместе с ней, и повсюду её сопровождал. Вначале я посчитала, что он её муж, но когда она сказала, что это её сын, то отказалась в это верить. Но после того, как он показал мне свои и её документы, я обалдела. Со стороны они оба выглядели примерно одинакового возраста. И никаких следов подтяжек на её свежем лице. Что-то в этой Любе было дьявольское, какое-то неземное. Поворот головы, таинственный хищный гипнотизирующий взор. Даже движения не совсем человеческие. Уж больно совершенные, отточенные. Всё это неуловимо, где-то на уровне подсознания, но она не такая, как все остальные. Несколько раз я в ней это замечала, но почему-то не насторожилась. Надо было ещё тогда с ней распрощаться, и уносить от неё ноги подальше. Я вспомнила, как частенько вечерами во время разговора я ловила на себе её взгляды. И от этих пронизывающих глаз порою становилось не по себе. Но я не придавала этому значения. Ну смотрит и смотрит, наверное манера у неё такая смотреть. Когда она по дружески обнимала меня за талию, мне становилось как-то жарко и приятно, как будто-бы от неё исходила неведомая таинственная сила. Её Серёга был уже не такой. Худоцавый

двадцатилетний парень, с немного женственной фигурой и мягкими чертами лица.

Пронзительным взглядом своей мамыши он не обладал, и было видно, что такого твёрдого характера у него нет. Избалованный любимчик.

Итак, звонит. Даже не знаю, что и делать. Ну от того, что просто поговорю, наверное хуже уже не станет. Других друзей-то всё равно нет. Я поднесла телефон к уху.

— Алёночка, извини за вчерашнее, так получилось. Серёга уже получил по заслугам, но он должен принести извинения лично. Я так решила. И забудем раз и навсегда. Ты дома?

— Вообще-то я собиралась пойти прогуляться, но пока что дома. Ладно, так и быть, пусть приходит извиняется.

— Ну так мы сейчас приедем. Я за рулём, мы на машине.

— Хорошо, я жду.

Вскоре в дверь позвонили и я пошла открывать. На пороге стояла эта сладкая парочка и они прошли в дом. У Сергея вид был довольно помятый, ну а Люба выглядела как всегда на все сто. Как будто и не пила вовсе. Он стоял и переминался с ноги на ногу, а она смотрела на него.

— Ну — саказала она — давай, начинай, как я тебе говорила. Ты всё запомнил?

— Да — ответил он и подошёл ко мне.

Я ожидала извинений за вчерашнее, и не предвидела того, что он сейчас со мной сделает. Он подошёл совсем близко, протянул ко мне руку и погладил меня за лицо. Он что, снова ко мне лезет? Я отпрянула, словно ошпаренная кипятком. Что, повторение вчерашнего? Не успела я ничего сообразить, как хлёсткая пощёчина обожгла мне лицо. Затем он вновь, уже по хозяйски протянул руку и пальцами поводил по моим губам. Второй рукой он прикоснулся мне прямо между ног и ласково погладил там, где самое интимное место. Через тонкое трико я ощутила лёгкое прикосновение. Он снова хлестнул меня по щеке и это означало, что никаких извинений не последует. Будет снова домогательство, причём в грубой и изощрённой форме. Щека горела огнём. Да как он смеет, этот наглый подонок трогать меня и бить по лицу. Я отбросила от себя его руки и собиралась оттолкнуть, но он опять вlepил мне оплеуху по той же щеке и придвинулся ещё ближе. От него пахло свежим перегаром и было ясно, что он успел опохмелиться. Люба смотрела за этой мерзкой сценой с нескрываемым интересом и поганая улыбка играла на её лице. Она уселась поудобнее на диван и закинула ногу на ногу.

— Давай, Серёга — приободрила она — продолжай, всё так и должно быть, ты всё делаешь правильно.

И Серёга продолжал. Он схватил одной рукой меня за волосы, а вторую вернул мне между ног и снова стал нежно поглаживать. Я дёрнулась, но он ещё сильнее сжал мои волосы, причиняя тем самым сильную боль.

— Пусти, ублюдок — прошипела я.

— Не дёргайся, дура — сказал он — сейчас получишь массу удовольствия.

— Алёночка, тебе лучше подчиниться — сказала Люба — будешь сопротивляться, сделаешь себе только хуже.

— Это что, такие извинения? — спросила я, превозмогая боль.

— Ну надо же было как-то попроситься к тебе в гости. Не переживай. Твои материальные ценности не пострадают. Нас ты интересуешь. Интересуешь, как объект безумной страсти. И сейчас ты передо мной откроешь своё истинное лицо. Ты раскроешь передо мной свою жизненную суть. То, для чего ты создана на этом свете. Ты сдашь экзамен на сексуальную

покорность и оценку за этот экзамен буду выставять я. Серёга вот девственник до сих пор, и я решила, что ему пора начинать взрослую жизнь. Пусть на тебе потренируется. Тебе понравится. Я подробно его проинструктировала, как надо брать непокорных баб. Теперь он не ошибётся. И ты кайфловишь. Не ты первая, не ты последняя. Хватит тебе в старых девах ходить во власти насильника. Почему я не поступила так, как другая нормальная и рассудительная девушка. А потому что подспудно желала и ждала чего-нибудь подобного. Просто не отдавала себе в этом отчёт. Но Люба это заметила. В поступках, выражении лица, поведении, манере разговора. В общем, для обычного человека это было незаметно, а вот для специалиста, профи, это бросалось в глаза. Ведь не зря же она шлялась по всяким буддистским школам, и посещала закрытые сборища колдунов и медиумов. Как цыганки на рынках и вокзалах облапошивают своих жертв, и те добровольно отдают им все свои ценности и деньги. Отдают последнее, что у них есть. Но ведь эти цыганки не ко всем подходят.

— Давай, Серёга, всё, она уже твоя. Теперь эта шлюха сделает тебе всё, что ты захочешь. Но вначале, как я тебя учила. Опустит её. Поставь на колени и дай ей в рот.

— А она не откусит?

— Не переживай. Не откусит. Наоборот, она сделает тебе так хорошо, что ты даже и не мечтал об этом в своих фантазиях, когда дробил на унитазах в закрытом сортире.

Она всё это говорила обыденно, как бы про между прочим. Но эти слова действовали на меня возбуждающе. Страсть тягучими вязкими волнами предательски расползлась по телу, а пальцы Сергея проникли глубоко мне во влагалище и нежно дразнили мой клитор. Я тяжело дышала и не смела поднять голову. О сопротивлении я уже не помышляла. Тело требовало любви, пусть даже в таком порочном виде, и это было выше моего разума. Опытная развратница научила его, и сейчас он всё делал по её инструкции. Совсем не так, как вчера.

— Не надо, Серёжа — тихо сказала я в последней попытке слабого сопротивления.

— Надо — сказала Люба — продолжай, дебил, не слушай её. Она сама уже тебя хочет. Не смей останавливаться. Я хочу видеть, как эта тёлка у тебя отсосёт.

— Не надо, Люба — сказала я.

— Раз я сказала надо, значит надо. Прими это как должное, и покажи красивый минет. Учти, если ему не понравится, вернее, мне не понравится, ты будешь строго наказана.

Серёга тем временем отпустил мои волосы и начал снова ласково гладить меня по щеке.

— Мама, а у неё между ног там всё течёт. Она что, уссалась?

— Идиот, она испускает соки любви. Ты разбудил в ней страсть. Теперь она тебя любит и хочет тебя. Продолжай.

— Ну что, нравится тебе? — спросил он, нагло глядя пальцами меня по лицу. Отвечай и смотри мне в глаза — потребовал он и опять шлёпнул меня по щеке.

Волна жгучей страсти прокатилась по телу и я покорно ответила:

— Да, мне нравится — моя рука безвольно опустилась вниз и прижала его ладонь к себе между ног плотнее — давай, я хочу тебя. Пусть она всё видит.

— На меня смотреть — говорил он, и уже под майкой зажимал сосок моей груди между пальцев.

Я подняла голову и смотрела ему прямо в глаза, не смея отвести взгляд в сторону.

— Тебе нравится?

— Ой, теперь да.

— Тогда встань на колени — он снова крепко взял меня за волосы и стал опускать вниз.

Я послушно опустилась на оба колена, и моё лицо оказалось напротив его живота. Он тут же стянул с себя майку и я дышала ему прямо в пупок. Он был в обтягивающих коротких шортах и под ширинкой у него набухало. Наверное, он ощутил на себе моё горячее страстное дыхание, и возбуждался по настоящему. За тканью пульсировала плоть, и я как загнипнотизированная смотрела ему между ног. Он не торопился. Одной рукой он крепко держал меня за волосы, а другой нежно гладил по щеке. Затем он убрал руку от моего лица и расстегнул молнию. Засунув пальцы внутрь, он одним движением извлёк наружу половой орган и тот моментально вздыбился вверх. Я продолжала смотреть на него, не в силах отвести взгляда. Член оказался большим и толстым, его размеры впечатляли. Резкий запах ударил мне в нос, и новая волна страстного желания прокатилась по телу.

— Ну как, нравится? — нагло спросил негодяй, и зажал хозяйство в кулаке.

— Да — ответила я.

— Ну тогда начинай. Сделай мне хорошо. Посмотрим, что ты умеешь.

Он медленно притягивал меня за волосы и я почти не сопротивлялась. Я была в его власти и новые вспышки блаженства пробегали по моему телу. Головка члена неотвратно приближалась и я приоткрыла рот. Теперь огромное хозяйство нависало надо мной и я не представляла, как оно во мне поместится. Но я должна была это сделать, потому что этого хотела уже сама. Наконец, он придвинул член к моему лицу совсем близко и головкой медленно провёл по моим губам. Весь орган сразу же запульсировал сильнее, и вспышка страсти снова охватила меня. Безумие какое-то. Я окончательно потеряла голову и с готовностью приласкала скользкую плоть кончиком языка. Серёга замычал и просунул головку в мой рот. Плотно обхватив её губами, я втянула щёки внутрь и подалась навстречу. Член начал продвигаться и заполнять у меня всё свободное пространство, скользя вдоль языка. Смазка обильно капала и я её слизывала. Пульсирующая упругая плоть неотвратно двигалась вперёд и я начала ритмично сжимать и разжимать губы. Минет я никогда ещё не делала, и не знала, получится ли у меня. Но Серёга охал и мычал от удовольствия, что означало безошибочность моих действий. Я обхватила одной рукой его за мошонку а второй рукой обняла за упругую ягодицу. Ритмично двигаясь взад-вперёд, я сосредоточенно сосала, а Серёга, уловив мой темп, двигался навстречу. Он продолжал удерживать меня за волосы, регулируя тем самым частоту и глубину фрикции. Он замедлялся, затем ускорялся, а временами вовсе останавливался. В эти моменты я старательно работала языком. Его член двигался у меня во рту и это приносило мне блаженство. И губы и язык у меня сейчас представляли из себя единый обнажённый нерв и все движения огромного фаллоса я чувствовала чуть ли не спинным мозгом. Мне не хватало воздуха, но я упорно продолжала, умудряясь даже периодически стонать. Люба с вожделением наблюдала за моим унижением и гладила себя по груди. Сдвинув в сторону полоску тонких трусов на себе, она засунула палец в аккуратную щёлку и глубоко там мастурбировала. Лицо её покрылось молодым задорным румянцем, а губы страстно приоткрылись и беззвучно что-то шептали на непонятном языке. Красивая, сволочь. Ей нравилось, как я делаю минет её сыночку. Затем она встала с дивана и, процокав каблучками, обошла меня сзади. Положив одну руку мне на шею, она просунула вторую мне под трико, и её мокрые пальцы настырно проникли теперь в моё влагалище. Я дёрнулась, но Серёга сжал снова мои волосы и продвинул в меня свой член ещё глубже. Я снова расслабилась и продолжила сосать, а пальцы Любы дразнили мой клитор. В голове

моей гулко стучало. Глаза застилала багровая пелена. Страсть достигла той самой черты, что готова была разорвать меня изнутри. И тут Серёга громко застонал. Упругая струя удрила мне в горло и я начала судорожно глотать тёплую сперму. Люба приласкала мой клитор ещё раз, и в моей голове взорвались звёзды, а тело пронзили молнии. Я закричала, широко раскрыв рот, и член Серёги выскльзнул наружу. Судорога оргазма несколько раз прошлась по моему телу, и я безвольно повалилась на бок.

— Она не крикнула? — спросил Серёга свою мамашу, пряча увядающее хозяйство назад в шорты и застёгивая ширинку.

— Не беспокойся, она просто очень бурно кончила, и это на время отняло у неё силы. Люба подошла и опустилась передо мной на одно колено. Её ладонь мягко легла мне на щёку. Передо мной склонилось её красивое лицо и она посмотрела на меня своим пронзительным взглядом. Я повернула голову и вздохнула.

— Ну вот видишь, твоя шлюшка в полном здравии, и завтра ты будешь её трахать снова.

— Почему завтра?

— Потому что сегодня я с ней займусь любовью. Со стороны мне понравилось, как ласкает её язычок. Так что на сегодня ты свободен. Смотри, нигде не напивайся. Завтра ты должен быть в форме.

— А ты что будешь делать?

— Съезжу в одно место и прикуплю кой-какие атрибуты для этой шлюшки. Сегодня у нас с ней будет ночь большой любви. Ты слышишь меня? — обратилась она уже ко мне.

— Я слышу — сказала я и села на полу, стыдливо поправляя майку и трико — не надо больше меня насиловать.

— А кто тебе сказал, что тебя изнасиловали? Всё было по всеобщему согласию. Ты же ведь дала его и сказала, что хочешь. Или у меня слуховые галлюцинации были? Ведь тебе же понравилось. Понравится и дальше. Это я обещаю. Ты даже не представляешь, какое наслаждение ты получишь от моей ласки. Ни в какое сравнение с этим минетом. Но если ты будешь иметь что-то против, то я лично изнасилую тебя уже по-настоящему, мало не покажется. С этого момента решения, касающиеся твоего сексуального воспитания, принимаю я. Твоё мнение здесь не учитывается. Станешь перечить, будешь наказана. Тебе ясно? Ты умная девочка, и повторять по два раза, надеюсь, не придётся. И если вдруг ты чего-то не поняла, то лучше задай вопрос сейчас, чтобы потом эту понятливость не пришлось вбивать в тебя плетью.

— Что ты хочешь со мной сделать?

— С этого момента ты поступаешь ко мне в сексуальное рабство. Со временем ты оценишь прелести своего статуса. Поняла?

— Я поняла.

— Тогда приведи себя в порядок. Приоденься для этого и подготовься. Вечером жди. Я одна приду и полюблю тебя. Посмотрим, как ты меня приласкаешь.

Они ушли и я осталась одна. Какое-то время я сидела на диване в полном оцепенении, осознавая, что со мной произошло. Я попала в неволю к опытной развратнице, но всё можно было остановить прямо сейчас. В данный момент меня никто не контролировал, и мне была предоставлена полная свобода действий. И ещё у меня была свобода выбора. Но я продолжала сидеть на диване и ничего не предпринимала. Затем упала на подушку и горько разрыдалась. Почему я, как дура, ничего не делаю? Ведь можно запросто выйти из дома,

сходить в ту же полицию и написать на них заявление. Или просто запереться и не пустить на порог. Можно и на дом наряд вызвать. Или чего ещё придумать наверняка было можно. То есть сделать так, чтобы раз и навсегда от себя их отвадить, и призвать прелюбодеев к ответу. Но как раз этого мне делать почему-то не хотелось. То, что они со мной сотворили, мне понравилось до безумия, и животная страсть рпзгоралась в моём чреве с новой силой. Эта Люба знала, с кем надо знакомиться и вылавливать из толпы, втираться в доверие и потом уже ублажать свои похоти. Она прекрасно разбиралась в людях, и её выбор пал на меня не случайно. Она читала в глазах все мои тайные желания как открытую книгу, и видела меня насквозь. И у неё я была далеко не первая. Это чувствовалось по выверенным и безошибочным действиям с её стороны, которые не оставили мне выбора. Я начинала понимать это только теперь. Да хрень собачья всё это. Сейчас вот встану и пойду напрямик к следователю в отдел. Но я продолжала лежать, уткнувшись носом в подушку. Нарыдавшись вволю, я встала с дивана и подошла к окну. День догорал и багрово-красный солнечный диск наполовину скрылся за горизонтом. Я поняла, что куда-либо идти просто неспособна. Не могу себя заставить, и всё тут. Идти против Любы почему-то стало выше моих сил. Безвольно опустив руки, я стояла и смотрела в окно. Начинались сумерки и надо было готовиться. Я приняла душ и причесала волосы. Заплетать и делать укладку я не стала, потому что Любе будет потом неудобно их сжимать в своих руках. Надела короткую облегающую юбку и тонкие чулочки. Труссы в данной ситуации были мне ни к чему. Одевшись во всё яркое и короткое, я накрасилась, как это делают проститутки — побольше всего и поярче. Подойдя к зеркалу, я окинула взглядом своё отражение. Ну что же, я довольна. Просто не узнать. Шалава, да и только. Я вернулась на своё место и присела на край дивана. Ждать оставалось совсем недолго. Скоро Люба прдёт. Я это нутром чувствовала. Я знала, что она придёт теперь не просто так повеселиться и выпить за компанию. Теперь она будет меня трахать всякими экстремальными способами. Тяжело и жёстко. Ведь она обещала мне ночь большой любви. Теперь я этого хотела, и знала, что она мне даст. То, о чём я не мечтала даже в самом горячем любовном бреду. Внутри зловеще разгоралось похотливое вожделение, и между ног появилась первая влага. Наконец запиликал сигнал телефона, и я поднесла его к уху.

— Ну что, Алёночка, ты готова? Я припарковалась недалеко, и сижу в машине. Ты знаешь, что тебя ждёт. Ты точно готова мне отдаться?

— Да, я готова. Я жду тебя. Приходи.

Через минуту в дверь постучали, и этот стук отозвался в моей душе страстным волнением. Сердце бешено заколотилось. Я встала, и решительно направилась к двери. На пороге, поигрывая плёткой, стояла моя новоиспечённая любовница Люба и на лице её царило торжество. Рабыня сама сделала свой выбор, стоило лишь немного подтолкнуть её к этому решению. Теперь невольница добровольно ждала насилия. Люба, Любочка, Любовь. Больше я никогда её так не назову. Она, как и обещала, была одна. Одетая во всё короткое и облегающее, она была дьявольски совершенна в своих пропорциях. Нутром я чувствовала, что она умеет любить, и умеет пытаться. Что-же, теперь я готова.

— Входи — пригласила я, уступая дорогу и опуская голову.

Она неторопливо переступила через порог и провела рукояткой плётки по моему лицу.

— Надеюсь, ты в курсе, как ко мне теперь надо обращаться? — тихо спросила она, и в её голосе звучал металл.

— Да, моя госпожа — ответила я и покорно опустилась перед ней на колени.

Доминирующая лесбиянка стояла передо мной и молчала. Она наслаждалась своей властью. Я знала, что последует дальше, и во мне снова закипала порочная страсть.

ARHIMED